

УДК 947.083
ББК 63.3(2)712
А-16

Абрегова Жанна Османовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории государства и права факультета информационных систем в экономике и юриспруденции Майкопского государственного технологического университета, т.: 8(908) 2282636.

**ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ:
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ**
(рецензирована)

Статья посвящена военно-политическим проблемам гражданской войны. В настоящее время возрастает интерес к проблемам такого характера, позволяющим не только исследовать вопросы, лежащие на поверхности «общественного бытия», но и раскрыть глубины народной жизни. Проведённое автором исследование раскрывает особенности социального происхождения командиров Добровольческой армии, процесс и характер её формирования, обусловивший образование весьма специфических, лишь ей присущих внутрикорпоративных ценностей и идеалов. Статья основывается на источниках личного происхождения.

Ключевые слова: *Россия, гражданская война, «белое дело», добровольцы, символика, корниловцы, алексеевцы, ледяной поход.*

Abregova Janna Osmanovna, Candidate of History, assistant professor of the Department of History of the State and Law of the Faculty of Information Systems in Economics and Law of Maikop State Technological University, tel.: 8 (908) 2282636.

**MILITARY AND POLITICAL PROBLEMS OF THE CIVIL WAR:
VOLUNTEERISM**
(reviewed)

The article is devoted to the military and political issues of the Civil War. Nowadays there is a growing interest to the problems allowing not only to explore the issues that lie on the surface of the “social life”, but also to reveal the depth of people's life. The conducted research reveals the peculiarities of social origin of the Volunteer Army commanders, the process and the nature of its formation that led to the formation of very specific, inherent internal corporate values and ideals. The article is based on the sources of personal origin.

Keywords: *Russia, civil war, “the white case”, volunteers, symbolism, Korni-lov’s followers, Alexeev followers, ice campaign.*

К общетеоретическим проблемам гражданской войны относится не только "белое дело", но и конкретное воплощение этого явления, получившего наиболее яркое выражение в добровольческом движении.

Как оно возникло, кто составлял основную движущую силу, какова была внутрикорпоративная структура и цели добровольческого движения очень важно для понимания сущности этого явления времён гражданской войны. Статья основывается на источниках личного происхождения, которые позволяют более объективно раскрыть особенности добровольческого движения в период гражданской войны.

В этом смысле представляет интерес сопоставление взглядов главнокомандующего А.И. Деникина и рядового участника рассматриваемых событий Р. Гуля [1]. Хотя официально история Добровольческой армии начинается с 15 ноября 1917 г., с так называемой "Алексеевской

организации" в Новочеркасске, названном генералом М. Алексеевым "Добровольческой армией", истоки её уходят в более раннее время [2]. Добровольческие части в русской армии в массовом порядке начали формироваться вскоре после февральской революции. Первые появились уже в мае 1917 г. на Юго-Западном фронте по инициативе полковника Манакина и при содействии генерала А. Брусилова.

Формируемые "добровольческие части" были различны и по структуре, и по качеству, и по социальному составу. По разному они и именовались: "батальоны смерти", "штурмовые", "партизанские", "легионы смерти", "легионы чести" и прочие, но чаще всего – "ударные отряды" или "ударные батальоны". Все они искренне или нарочито, пользуясь политической конъюнктурой, именовались "революционными".

Тогда же возникает и распространяется, соответствовавшая их назначению, "революционная" добровольческая символика – череп с костями (или саблями), крепившийся на тулье фуражки, каски или на погонах, на рукавах, трёхцветные (в соответствии с национально-государственными цветами) или чёрно-красные "революционные" нарукавные шевроны чёрно-красные "революционные" знамёна. В приказе тогдашнего Верховного Главнокомандующего русской армией генерала Брусилова говорилось, что "красный – символ борьбы за свободу, чёрный – указание на нежелание жить, если погибнет Россия".

В войсках эта цветовая символика более просто разъяснялась как готовность "ударника – добровольца" по приказу командира умереть за революцию. Наряду с такого рода добровольческими частями, формируемыми по приказу Главковерха, уже с мая 1917 г. возникают подобные же части, создававшиеся по инициативе армейского командования.

Первоначально обмундирование традиционно защитно-полевого цвета было заменено чёрным. Такого рода расцвечивание внешнего облика "добровольцев-корниловцев", позднее распространившееся на другие добровольческие части дроздовцев, марковцев, алексеевцев (отличавшиеся лишь какими-то отдельными цветовыми признаками), дало основание в годы гражданской войны, называть эти именные части Добровольческой армии "цветными". Красочность внешнего вида "корниловцев", некоторая экстравагантность рождала даже иронию у окружающих.

Бытующий стереотип обычно толкует эмблематику "цветных" частей Добровольческой армии – череп с костями и прочее [3]. Добровольческая символика, таким образом, должна была обозначать духовное единоборство "добровольцев белого (святого, чистого) дела", тысячелетней православно-христианской российско-национально государственной традиции против "антихриста большевизма", и "сатанизма". Добровольцы мыслили себя "христианским воинством", некими православными русскими "крестоносцами". Этим многое объясняется и в идеологии и в деятельности Добровольческой армии [4].

Формирование добровольческих частей, к которому приступил в середине ноября 1917 г. в Новочеркасске генерал М. Алексеев, первоначально шло медленно. Вопреки надеждам, не только рядовой солдатский, но и офицерский состав старой армии не торопился записываться в армию, которая по мысли её создателя должна была спасти Россию от большевиков [5]. Организация Добровольческой армии продвигалась медленно. В среднем, в день приезжало и записывалось в ряды армии, как отмечал А.С. Луканский, 75-80 добровольцев. Солдат было мало, больше всего записывались в армию офицеры, юнкера, студенты, кадеты и гимназисты старших классов. Орудий, винтовок и огнестрельных припасов в Донских складах почти не было.

Несмотря на то, что 27 декабря 1917 г. "Алексеевская организация" официально была переименована в "Добровольческую армию", в её составе к тому времени были: "сводно-офицерская рота (до 200 человек), юнкерский батальон (свыше 150 человек), сводная Михайловско-Константиновская (по названию артиллерийских училищ), батарея и рота

Георгиевских кавалеров (до 60 человек). Всего – свыше 400 человек". К этому же времени, то есть, к концу 1917 – началу 1918 г. в Новочеркасск начали прибывать небольшие формирования. Одним из первых был сводный отряд из юнкеров столичных училищ и кадетов старших классов под командою штабс-капитана Парфёнова численностью 250 человек. Прибыл и Корниловский ударный пехотный полк – 50 офицеров и около 500 солдат. Пешие донские партизанские отряды, общей численностью в 800-1000 человек, были объединены в партизанский полк под командованием генерала А.П. Богаевского.

Конные части Добровольческой армии общей численностью 800-1000 человек состояли из отрядов полковника Глазенапа. Артиллерия Добровольческой армии была невелика: 10 лёгких пушек в артиллерийском дивизионе под командованием полковника Икишева, в составе четырёх батарей [6]. Общая численность Добровольческой армии к началу 1-го Кубанского похода составила, как выше уже отмечалось, около 3700 человек. В их числе 2350 офицеров, 437 юнкеров и кадетов, 599 унтер-офицеров и солдат, 146 врачей медсестёр, 66 чиновников и 52 гражданских лица. "В ходе 1-го Кубанского похода, несмотря на трудности и потери, численность Добровольческой армии к марту месяцу увеличилась до 6000 человек" [7]. Численность Добровольческой армии на протяжении 1919-го года постоянно возрастала: если в конце февраля в ней было до 65 тысяч бойцов, то уже в конце марта – 35500 штыков и сабель, не считая 6 тысяч штыков и 14 тысяч сабель в группе Май – Маевского [8]. Характерная для начального периода существования Добровольческой армии профессиональная, социальная и возрастная структура в последующем подверглась изменениям. Гибель многих "первопоходников", появление новых добровольцев, лиц, принудительно мобилизованных, бывших служащих Красной армии, увеличение самой численности Добровольческой армии неизбежно влекло за собой и изменение идейно-политического облика первоначальной Добровольческой армии в 1919-м и особенно в 1920 году.

Если общий духовный облик командного состава Добровольческой армии был достаточно ясен с учётом определённых групповых нюансов, их поступки и действия предопределялись, в основном, соображениям идейного порядка, то рядовые добровольцы являли собой весьма пёструю "кампанию".

Среди них были и молодые офицеры военного времени из интеллигенции, подобные будущему писателю Р. Гулю и его брату. В этом отношении весьма ценными являются оставленные им воспоминания. Пульсирующие болью и страстью живые человеческие образы, увиденные рядовым участником событий Романом Гулем действительно способны потрясать своим поиском места в гражданской войне.

Позднее Р. Гуль вспоминал, как добровольно он вступил в армию, что так же добровольно ушёл. Очень интересным являются мысли Р. Гуля по пути на Дон, в Новочеркасск, в декабре 1917 года в Добровольческую армию. Как многие тогда в России он искал выхода, колебался, хотя знал, что предстоит громадная работа. Сомнение у него пропадает, но он верит в правду дела, в Корнилова, в Учредительное собрание.

В те дни 1917 года Россия, казалось ему, была в полном разгаре своего "окаянства". Из народных недр вырвалась ранее невидимая и незнаемая страсть всеразрушения, всеистребления и дикой ненависти к закону, порядку, праву, покою, обычаю. Р. Гуль самым активным образом не принимал того, что происходило на его глазах теперь. Это "теперь", проникновенно писал он, действовало в то время совершенно мистически. Позиция Р. Гуля оставалась неизменной на протяжении всей его последующей жизни, отличалась разве что большей резкостью и категоричностью.

На одном полюсе рядового добровольчества такие, как Р. Гуль, на другом –такие, как генерал А.И. Деникин. Генерал и прапорщик, взгляд "сверху" и "снизу", точный язык документов, реляций, приказов, строго дисциплинированных размышлений главнокомандующего Деникина и живые образы, увиденные рядовым участником событий Романом Гулем на юге России, ярко взаимодополняют друг друга. Что побуждало этих столь различных по происхождению, возрасту, образованию, по чинам и настроениям добровольцев идти на Дон и на Кубань, вступать в состав Добровольческой армии, самоотверженно воевать с большевиками и советской властью в России? Какой единый побудительный мотив, идея были в состоянии увлечь и превратить в единомышленников, охваченных единым порывом, столь разных, подчас, противоположных по характеру и поступкам людей? На эти вопросы пытался ответить генерал Я. Слащов, хотя дать точную характеристику политических убеждений участников Добровольческой армии трудно.

Тем не менее, абсолютно все группировались по своим имущественным интересам. Кадровое офицерство, объяснял Я. Слащов, было воспитано в монархическом духе, политикой не интересовалось, ничего не смыслила и даже в большинстве не было знакомо с программами отдельных партий.

Процесс и характер формирования Добровольческой армии обусловили также образование и весьма специфических, лишь ей одной присущих внутрикорпоративных, порой почти кастовых по замкнутости групп с определённым набором духовных и традиционных ценностей, идеалов. Группы эти оспаривали друг у друга приоритет, соперничали, становились опорой в скрытом противостоянии и борьбе за влияние различных клик в высшем командном составе Добровольческой армии. В конце 1917-го, они уже делились на "корниловцев" и "алексеевцев".

Если деление добровольцев на "корниловцев" и "алексеевцев", условно "конституционалистов" и "монархистов" не закрывало возможность перехода из одной группы в другую, то некоторые внутрикорпоративные группировки Добровольческой армии обретали, в сущности, кастовый характер.

В целом, Добровольческая армия была явлением новым, несколько необычным для традиций старой русской армии, хотя она и претендовала на преемницу последней. Сам добровольческий принцип её комплектования ставил во главу угла этой организации сугубо индивидуальную "добрую волю", свободу выбора, что, в сущности, не совместимо с внешним дисциплинарным принуждением. Это предполагалось в армии, прежде всего, на высоком уровне сознательности каждого бойца.

Такая военная организация строилась изначально как военно-политическая организация, что-то среднее между армией и партией, но ещё более сходной с полусредневековым духовно-рыцарским орденом, особенно на начальном этапе своего существования.

Литература:

1. Гуль Р. Ледяной поход. Москва, 1990; Деникин А.И. Поход и смерть генерала Корнилова. Москва, 1990.
2. Веркеенко Г.П., Минаков С.Т. Московский поход и крушение «Добровольческой политики» генерала А. Деникина. Москва, 1993. С. 46-47.
3. Деникин А.И. Указатель сочинений. С. 155.
4. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. Москва, 1989. С. 256-257.
5. Деникин А.И. Указатель сочинений. С. 117.
6. Гуль Р. Указатель сочинений. С. 49.
7. Богаевский Г.П. 1918 год. Белое дело. Москва, 1990. С. 75-76.
8. Веркеенко Г.П., Минаков С.Т. Указатель сочинений. С. 39.

References:

1. Gull R. *Ice campaign*. M., 1990; Denikin A.I. *The Campaign and the death of General Kornilov*. M., 1990.
2. Verkeenko G. P., Minakov S.T. *The Moscow campaign and the collapse of "Volunteer Policy" of General A. Denikin*. Moscow, 1993.P. 46-47.
3. Denikin A.I. *Index of works*. P. 155.
4. Joffe G. Z. "The White case". *General Kornilov*. Moscow, 1989. P. 256-257.
5. Denikin A.I. *Index of works*. P. 117.
6. Gul R. *Index of works*. P.49.
7. Bogaevsky G.P. 1918. *The White case*. Moscow, 1990. P. 75-76.
8. Verkeenko G.P., Minakov S.T. *Index of works*. P. 39.